

УДК 94(575.2):316.4.063.7

РЕПРЕССИИ В КРАСНОЙ АРМИИ. КАК ЭТО ПРОИСХОДИЛО В КЫРГЫЗСТАНЕ

Б.Д. Абдрахманов

Рассматриваются особенности проведения репрессий в Красной армии в Киргизской ССР.

Ключевые слова: политические репрессии; культ личности; Социал-туранская партия; кыргызский национальный полк.

REPRESSION IN THE RED ARMY. AS IT HAPPENED IN KYRGYZSTAN

B.D. Abdrahmanov

The article considers the features of carrying out repressions in Red Army in the Kyrgyz SSR.

Keywords: political repression; a cult of personality; social-turanian party; Kyrgyz national regimentt.

Репрессии в Красной армии 1937–1938 – масштабные политические репрессии (“чистки”) в отношении командного состава воинских частей республики, можно выделить как одно из проявлений, составной частью политики “Большого террора” в СССР, явившейся, в свою очередь, прямым следствием культа личности Сталина.

Знаменателен и судебный процесс над военачальниками Красной армии. Он был организован и проведен только потому, что, как это установлено комиссией Политбюро ЦК КПСС, проверявшей дело так называемой “антисоветской троцкистской организации в Красной армии”, авторитет этих людей в народе и армии был высок еще со времен гражданской войны, их позиции вызывали у Сталина определенные опасения, поскольку они были профессионалами, не стеснялись в суждениях и в критике выдвиженцев вождя [1].

Репрессии военных в Кыргызстане фактически начались во второй половине 1936 г., но наибольший размах приобрели после ареста и осуждения М.Н. Тухачевского и семи других высокопоставленных военных в мае-июне 1937 г.; на 1937–1938 гг. пришелся их пик, а в 1939–1941 гг., после резкого спада, они продолжались с существенно меньшей интенсивностью. Репрессии выражались в увольнениях по политическим мотивам, арестах и вынесении приговоров по сфабрикованным делам. [2] Жертвами беззакония и фальсифицированных обвинений стали десятки командиров и бойцов Красной армии. Основной удар политических репрессий был направлен против командного состава.

Основную массу жертв политических репрессий в Красной армии в предвоенные годы в Кыргызстане составили так называемые участники и члены “Социал-туранской партии”, дела которых рассматривались Военной коллегией Верховного суда СССР. Для получения необходимых показаний от подследственных они в массовом порядке подвергались издевательствам, избиениям и пыткам. Применение “мер физического воздействия” в ходе следствия в отношении “врагов” и “шпионов” было санкционировано высшим партийным и государственным руководством СССР. Подавляющее большинство командиров, начальников и политработников, обвиненных в участии в принадлежности “СТП”, были репрессированы.

К наиболее важным проблемам, которые исследуют ученые, относятся: влияние репрессий на боеспособность существующих в то время воинских частей в республике; причины репрессий; масштабы репрессий; кем и как осуществлялись репрессии; вопрос о наличии/отсутствии в воинских частях республики реального заговора и обоснованности репрессий.

До настоящего времени в республике тема репрессий в Красной армии практически не освещалась. В этой работе автор рассматривает основные этапы того пути, по которому в годы репрессии прошли многие командиры Красной армии республики. Под этим углом автор исследовал репрессивную деятельность НКВД.

Как было отмечено выше, массовые аресты командиров в СССР начались с 1936 г. Аресты осуществлялись сотрудниками НКВД, прежде всего

особых отделов. В функции военной контрразведки как особого отдела НКВД входило:

- “наблюдение за политическим и моральным состоянием военнослужащих;
- выявление лиц, чья деятельность квалифицировалась советским законодательством как государственное преступление – измена, шпионаж, диверсия, терроризм;
- выявление контрреволюционных организаций и групп лиц, ведущих антисоветскую агитацию;
- ведение следствия по государственным преступлениям под надзором прокуратуры с передачей дел в военные трибуналы” [2].

Следует отметить, что большой размах репрессий был бы невозможен, не подключившись на помощь органам целая армия помощников.

Есть основание полагать, что в “технологии” организации массовых репрессий 1937–1938 гг. в республике определенное значение придавалось последовательному и целенаправленному использованию центральной прессы для подготовки общественного мнения к решительным санкциям “по выявлению и выкорчевыванию врагов народа”.

После подобных политических залпов прессы обычно следовал приезд из центра обличенных полномочиями людей для “выявления и выкорчевывания врагов народа”.

Так, раскручиванию репрессий в республике способствовала статья собора “Правды” по Кыргызстану В. Овчарова под одиозным названием “Буржуазные националисты” (31 августа 1937 г.). Автор обрушивается на ряд членов правительства республики, что они сами оказываются одними из “активнейших приверженцев разоблаченного в свое время буржуазного националиста – шпиона Абдрахманова” и что они, “пользуясь своей властью, оказывают материальную поддержку разоблаченным вредителям, националистам. И обличительное заключение в адрес всего ЦК КП(б) республики: “ЦК Компартии Киргизии до сих пор не принял мер для того, чтобы полностью разоблачить и выкорчевать всех врагов, пробравшихся на руководящие государственные посты, срывающих работу, мешающих дальнейшему развитию Кирг. республики. По мнению автора, необходим “лишь разгром этой ничтожной кучки прогнивших людей”, что даст возможность двинуть на руководящую работу многие тысячи местных людей, получивших от социалистической революции все и до конца верных партии Ленина-Сталина” [3].

В республике активно проходит обсуждение статьи в газете “Правда”, синдром шпиономании и борьбы с национализмом, с одной стороны, как

бы парализует страхом кадры, готовые сделать что угодно, лишь бы сохраниться самим; с другой стороны, все настойчивее раздаются голоса о созыве чрезвычайного съезда партии, который должен был во всем разобраться.

Тучи, нависшие над руководителями Кыргызстана после публикации в “Правде” статьи “Буржуазные националисты”, должны были разразиться “очистительной” грозой, которая не заставляет себя ждать. Пробил час расправы не только над партийно-советскими кадрами, но репрессии распространились и на второй эшелон – на военных и их родственников. С этого времени партийный и репрессивный аппарат заработал в полную мощь: головы полетели одна за другой.

8 августа 1937 г. бюро ЦК по сообщению Четвертакова, народного комиссара НКВД республики, принимает решение по министру наркомпроса: “Алиева Османкула, как активного участника контрреволюционной националистической организации и двурешника, обманным путем пробравшегося в партию, исключить из состава членов Центрального Комитета КП(б) Киргизии с последующим внесением на утверждение Пленума ЦК и снять с работы Наркома просвещения. Поручить партгруппе ЦИКа оформить снятие с работы Алиева в Советском порядке” [4].

А в июне 1937 г. НКВД уже привлекли в качестве обвиняемого Алиева Асана, брата Алиева Осмонкула, который служил командиром эскадрона.

В уголовном деле, из протокола допроса О. Алиева видно, что такие термины, как “контрреволюционная националистическая работа, вооруженные силы внутри республики против Советской власти” и другие, видимо, являются надуманными терминами, которые сотрудниками НКВД были вложены в уста обвиняемых, потому что таковых процессов и явлений в Кыргызстане среди военных просто не существовало. А попытку создания из территориального воинского подразделения, вполне оправданную, в кадровый кавалеристский полк, а затем создать кавалеристскую дивизию, сотрудники НКВД квалифицируют как “контрреволюционную работу”. Также следует отметить, что когда в одном подразделении служили люди разных национальностей, где сложно переплетались межличностные отношения, где многие хотели свести свои счеты, к названным обстоятельствам прибавлялись сугубо личные. Вызывает удивление, что вполне естественные, с позиции сегодняшнего дня, требования военнослужащих кыргызского национального полка о необходимости воинского Устава на кыргызском языке, командиром полка воспринимались как про-

явление национализма. Поэтому многие военные оказались в замешательстве, и, стараясь спасти свою жизнь, начали давать продиктованные сотрудниками НКВД показания, поставляли в органы массу “разоблачительных” материалов, часто выдавая мелкий проступок за политическое преступление, навешивая модные ярлыки, типа “враг народа”, “националист” и т. д. [5].

Таким образом, в отношении Асана Алиева были предъявлены обвинения как на “контрреволюционно националистически настроенного националиста, выступающего за свержение сов. власти” [5].

Вместе с ним по таким же обвинениям были арестованы следующие: Гадий Истамбеков, Шады Жороев, Болот Мукашев, Кожобек Кузембаев, Байыш Тологонов, Тилек Мергенов, Осмон Элмуратов, Дуйше Ногойбаев, Турдубек Усупбеков, Абдыбек Чотбаев, Жумаш Маркабаев, Касым Султанов, Карыбай Котонтуков, Нияз Алыбаев, Эсенкул Урмамбетов, Райымбек Суйуналиев, Ширинкан Тлеулов, Тилевалды Айдаралиев, Камил Жапаров, Токторбай Арзиев, Батыркан Садреддинов, Шергазы Эркинбаев, Мусалы Давлетбаев, Муса Жумабаев, Исмаил Сарманов, Жахан Кузенбаев, Курбан Сексенбаев, Саалы Сабаев, Абдыбай Кузенбаев, Дуйсен Муфтиев, Абдыбай Бейшенбаев, Нажмуддин Макешев, Калык Темирбеков [6].

В 1937–1938 гг. по причине принадлежности к “военному филиалу СТП” были репрессированы видные военные командиры (43 человека), стоявшие у истоков становления и развития вооруженных сил в республике. Среди них выдающиеся сыновья своего народа, первые образованные военные, такие как Г. Истамбеков, К. Кузенбаев, А. Алиев умерли в застенках НКВД [6].

Многие из них были грамотные люди, получили образование, вступили в большевистскую партию, только начинали свою службу и в предъявленных обвинениях не были замешаны. Материалы архивных следственных дел на указанных лиц раскрывают механику произвола, который творился в то время в Кыргызстане. Арестованные лица даже слабо представляли себе значение слов, написанных в обвинениях, а их называли шпионами, уклонистами, пантюкистами, панисламистами. В протоколах допроса следователи писали выгодные для себя показания, используя насилие, заставляли расписываться в протоколах.

12 сентября 1938 г. подвергнутые репрессии кыргызские военачальники, в числе других, были внесены в черный список Военной судебной коллегией СССР. В этот список по Кыргызской ССР вошли 37 военнослужащих, из них 31 – в первом списке, подлежащие расстрелу, а по второму спи-

ску – 6 человек, подлежащие тюремному сроку от 8 до 25 лет.

В мае 1939 г. прибывший помощник главного военного прокурора РККА Калугин, рассмотрев материалы и дополнительно проводив следственные мероприятия в отношении 41 военнослужащего кыргызстанца, приговоренных к расстрелу, освободил их из-под стражи.

На XXII съезде партии Хрущев сообщил: “Много замечательных командиров и политических работников Красной армии дали нужные показания: “Их убеждали, убеждали определенным способом в том, что они или немецкие, или английские, или какие-то другие шпионы. И некоторые из них признавались даже в тех случаях, когда таким людям объявляли, что с них снимается обвинение в шпионаже, они уже сами настаивали на своих прежних показаниях, так как считали, что лучше уж стоять на своих ложных показаниях, чтобы быстрее кончились истязания, чтобы быстрее прийти к смерти” [1].

Л.Д. Троцкий также дал свою оценку масштабам репрессий. В частности, 13 марта 1939 г. он писал: “Сталин истребил цвет командного состава, расстрелял, сместил, сослал около 30 000 офицеров” [7].

Во время обсуждения планируемого нападения на СССР часть генералов пытались убедить фюрера, что ввязываться в войну с русскими преждевременно. Ответ Гитлера был следующий: “80 % командных кадров Красной армии уничтожены. Красная армия обезглавлена, ослаблена как никогда, это главный фактор моего решения. Нужно воевать, пока кадры не выросли вновь” [7].

Без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел.

Многие репрессированные военнослужащие-кыргызстанцы были реабилитированы после их смерти в период Хрущевской оттепели, после XXII съезда КПСС.

Мы обязаны знать историю своих вооруженных сил. Военные историки республики, если они есть, должны тщательно исследовать все этапы формирования, развития национальных воинских частей, а также проанализировать трагические страницы в период репрессий, которые коснулись военных кадров, стоящих у истоков образования вооруженных сил в Кыргызстане.

Таким образом, для того чтобы эти причины пришли в действие и привели к массовым политическим репрессиям, необходимы были *опреде-*

ленные общественные условия. К ним следует отнести следующие:

1. Низкая общая культура большинства населения, а также недостаточная политическая культура и организованность интеллигенции, не позволяющие им предотвращать приход к государственной власти лиц, склонных к политике систематического и непосредственного государственного насилия.
2. Уничтожение наиболее образованной и политически развитой части общества, резкое понижение культурного уровня политической элиты общества.
3. Утверждение в обществе психологии безысходности и покорности по отношению к государству, которое понимается как сила враждебная или потенциально враждебная населению и всему здоровому в обществе. Открыто выступать против враждебной политики государства признается невозможным.
4. Фактическое сосредоточение орудия репрессий в руках исполнительной власти, т. е. в руках репрессивных органов, какими выступают ЧК, ОГПУ и НКВД, которые практически с первых дней формирования вооруженных сил контролировали всю ее деятельность, и по команде сверху, злоупотребляя государственной властью, подвергли репрессиям всю военную элиту.
5. Отсутствие в политической системе механизма предотвращения политики репрессий.

Последствия политических репрессий в армии:

1. Военные специалисты республики пострадали от репрессий существенно. На протяжении рассматриваемого десятилетия практически полностью сменился начальствующий корпус воинских частей республики. Квалифицированных руководителей сменили лица без должного профессионального опыта. В связи с этим периоды массовых репрессий 1930-х гг. сопровождались спадом в развитии военного дела.

2. Военные кадры стали объектом репрессий, несмотря на отсутствие в республике “военного филиала СТП”, активной политической борьбы и открытого конфликта власти и военных, что объяснялось аполитичностью большей части военных. Репрессивная политика против военных и руководящего состава воинских частей нанесла серьезный урон системе воинских формирований в республике.
3. Политические репрессии в сфере воинских формирований в республике в 1930-е гг. оказали отрицательное воздействие на дальнейший ход развития военного дела, поставив ее под жесткий политический и идеологический контроль.
4. В процессе репрессий военных кадров в Кыргызстане и в ходе процесса создания новых кадров качественные характеристики военных специалистов претерпели существенные изменения. Экстенсивный путь формирования военных кадров негативно отразился на профессиональных компетенциях.

Литература

1. Мельтюхов М.И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований / М.И. Мельтюхов. Отечественная история. 1997. № 5.
2. Сувениров О.Ф. Всеармейская трагедия / О.Ф. Сувениров // Военно-исторический журнал. М., 1989. № 3.
3. Овчаров В. Буржуазные националисты / В. Овчаров // Правда. 31 августа 1937 г.
4. Партийный архив Киргфил. ИМЛ. Ф. 5 б. Оп. 4. Д. 3 б.
5. Архив ГКНБ КР. Ф. СУ-№ 2511. Т. № 1.
6. Байдилдеев Ж. Кыргызстандагы саясий куугунтуктоолор: 1937–1938 / Ж. Байдилдеев. Бишкек, 2014.
7. Черушев Н.С. Расстрелянная элита РККА: 1937–1941. Биографический словарь / Н.С. Черушев. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012.